

ОТ ЭСТЕТИКИ К КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ ГЕОРГОМ ЛУКАЧЕМ МАРКСИСТСКОГО ВАРИАНТА ЭСТЕТИКИ

Георг Лукач – ученый, рецепция идей которого в XX веке также весьма прихотлива. В биографии Лукача имеют место периоды признания, и периоды забвения. То обстоятельство, что Лукач был не только ученым академического толка, но и политиком, в еще большей степени усложняет его научную биографию. Первая половина XX века для Лукача – это эпоха признания, популярности, о чем свидетельствует публикация его работ, в том числе, его книги «История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике», повлиявшей на становление той философской системы в западной философии, которую называют «Франкфуртской школой». В России эта книга была опубликована лишь в 2003 году. Если говорить о публикациях Лукача в нашей стране, в советских периодических изданиях, то он часто печатался в таком не совсем официальном журнале, как «Литературный критик»¹. Показательна, например, публикация статьи Лукача о романе в «Литературной энциклопедии», которой предшествовал его доклад в секции литературы Института философии Коммунистической академии, послуживший поводом для шумной литературной дискуссии, опубликованной в журнале «Литературный критик».

Фундаментальное сочинение по эстетике было задумано Лукачем еще в начале своего творческого пути, но по разным причинам не осуществилось. Так, во Вступлении к «Эстетике» он пишет, что первый ее набросок он сделал еще в 1911-1912 годах, будучи во Флоренции и приступил к его разработке в 1912-1914 годах в Гейдельберге (15). Но если посмотреть библиографию его трудов, то многие его публикации были посвящены эстетическим вопросам. На этом основании можно заключить, что на протяжении всей своей жизни он над такой системой работал. Но

¹ Мазаев А. О «Литературном критике» и его эстетическая программа. В кн.: Мазаев А. Искусство и большевизм. 1920-1930., М., 2004., с. 201.

окончательно оформить ее он смог лишь в 60-е годы. Стоит внимательно вчитаться в первые страницы этого труда, где он утверждает, что марксистской эстетики в ее окончательном виде еще нет. Существует лишь идея такой эстетики, а саму эстетику еще предстоит разработать. «Но если бы в собранных вместе и расположенных в систематическом порядке высказываниях классиков марксизма – пишет он - содержалась развернутая система эстетики или хотя бы ее заверченный остов, осталось бы только снабдить собранные материалы добротным сопроводительным текстом – и марксистская эстетика предстала бы перед нами в готовом виде. Но об этом и речи быть не может»². Как следует из этого суждения, Лукач явно не страдал догматизмом, что было присуще многим эстетикам 30-х годов, когда его теория романа подвергалась критике со стороны философов – марксистов.

В публикациях о Лукаче есть высказывание о новых тенденциях в современной философии. Он считал, что современная философия должна трансформироваться в философию искусства³. Реальность второй половины XX века свидетельствует, что параллельно прорыву в гуманитарную сферу, чему немало способствовало оживление в искусстве эпохи оттепели, в рефлексии об искусстве активизировалась позитивистская установка. Так, третье рождение социологической рефлексии об искусстве, сопровождавшееся конкретно-эмпирическими исследованиями, свидетельствовало об активизации позитивизма. Это обстоятельство прямо подтверждало одно из положений эстетики Лукача. Тенденцию к дезантропоморфизации Лукач прослеживает на протяжении всей истории науки, приходя к выводу о том, что процесс дезантропоморфизации не есть процесс дегуманизации. Так, по Лукачу, в Новое время процесс дезантропоморфизации получает качественный скачок⁴. Здесь, конечно, следует иметь в виду, что этот процесс, в принципе не чуждый

² Лукач Г. Своеобразие эстетического., т. 1., М., 1985., с. 8;

³ Земляной С. Победоносное поражение. Ненаписанная книга Герга Лукача о Достоевском. Вопросы литературы. 2009., № 1., с. 24.

⁴ Лукач Г. Своеобразие эстетического., т. 1., М., 1985., с. 165.

гуманитарной стихии, в XX веке разворачивается в специфической социальной среде с присущей ей дегуманизацией.

Лукач воспринимается последовательным марксистским теоретиком, хотя его единомышленники по убеждениям, марксистские идеологи постоянно называли его «путаником» и «уклонистом». Забвение Лукача (имеется в виду лишь ситуация в России) объясняется угасающим интересом к марксизму вообще, связанным с осознанием политической катастрофы в России как следствия марксистских идей. Возможно, в данном случае проявляется расхождение между реальным Лукачем и рецепцией Лукача как и его сочинений, что, естественно, всегда является проблемой применительно к любому ученому, в том числе, и к Бахтину.

В своей системе эстетики Лукач сопоставляет роман как жанр и существующую с эпохи Винкельмана эстетику, которую он хорошо знает и с позиции которой аргументирует свои основные идеи. Лукач убежден, что роман – это форма, получившая свое полное развитие лишь в эпоху капитализма и уходящая с этой эпохой в прошлое. С этой точки зрения Лукачу приходится даже подчас вопреки историческим фактам, доказывать, что вся предшествующая история романа – лишь движение к этой эпохе. То обстоятельство, что роман – лишь поздняя форма литературы, доказывает, как считал Лукач, и тот факт, что существующая со времени Винкельмана эстетика, для которой единственным образцом является античная эстетика, этой литературной формы не замечает⁵. В соответствии с лукачевской логикой, до эпохи капитализма истории романа не было, а было лишь движение к этому жанру в его окончательном и завершенном виде.

Такой жесткий тезис порождал вопросы, в частности, вопрос о настоящем и будущем романе. Роман оказывается в кризисе потому, что революции подрывают его социальную основу. Уходит с арены истории буржуазия как класс, умирает и роман. Каким будет роман после прихода к власти пролетариата? Какие элементы романа будут подхвачены его новой

⁵ Лукач Г. Указ. соч. С. 19.

формой? Было ли что-то в буржуазной эпохе позитивного, чем может воспользоваться пролетариат? Все эти вопросы были поставлены при обсуждении доклада Лукача в Институте философии Коммунистической академии⁶ (18). Наряду с критическими замечаниями во время этой дискуссии прозвучали и мнения в пользу Лукача. Так, Лукача поддержал В. Гриб, выступивший на этой дискуссии с самым интересным сообщением. Как заявил В. Гриб, все великие романисты – продукт XV–XIX веков, следовательно, роман, действительно, является выражением духа лишь буржуазного этапа в истории. Когда В. Гриб на дискуссии в институте философии Коммунистической академии защищал позицию Лукача, он касался и вопроса, в чем заключается значение романа. Это значение, по В. Грибу, заключается в том, что впервые в истории литературы роман «плотно и прочно завоевал право на изображение индивидуальности художественными средствами, - личности как личности».

Лукач не был поклонником авангардного искусства, и в этом он разделяет заблуждения, присущие марксистской эстетике в целом. Но в новом искусстве он как философ угадывает главное и, в частности, в авангардных художественных течениях, что бессильны выявить в них его поклонники и противники марксистской эстетики. Что же касается взрыва религиозности, проявляющегося в формах авангардных течений, то говорить о нем, естественно, было невозможно. В четвертом томе своей «Эстетики» Лукач фиксирует в истории искусства парадоксальную закономерность. Становясь все более секулярной, а, следовательно, демонстрируя разрыв искусства с религией, эта история, тем не менее, способна регрессировать к формам, когда она была тесно связана с религиозными настроениями. Так случилось с авангардом. «Между тем, как мы видим, - пишет Лукач – именно в новейшем искусстве, и именно в его крайнем, самом авангардном крыле, все больше обнаруживается господство фундаментальных стилистических принципов искусства, связанного с религией, а аллегорией, и тем самым –

⁶ Лукач Д. Роман как буржуазная эпопея. Литературная энциклопедия., т. 9., М., 1935., с. 796.

разрыв с образно- предметными традициями развития западноевропейского искусства»⁷.

Это замечание не противоречит сказанному Лукачом о том, что авангардистское искусство служит художественным выражением анархического, нигилистического индивидуализма»⁸. Более того, сам Лукач считает, что такой индивидуализм не может скрыть того, что «переживания, лежащие в основе главных существенных произведений авангардизма, возникли из религиозной потребности, а форма этих произведений определяется содержанием данных переживаний»⁹. Этот вопрос настолько занимает Лукача, что он снова и снова повторяет эту мысль и подробно на этом останавливается. Он сочувственно цитирует мысль Т. С. Элиота о том, что без религии никакая культура невозможна. Продолжая развивать эту мысль, Лукач пишет, что у множества людей религиозная потребность пусть даже в искаженной форме продолжает быть реальной. Жаль только, что здесь Лукач не рассуждает на тему того, что и в формах революционного атеизма, который он, как марксист, тоже должен был разделять и, может быть, именно по этой причине его книга о Достоевском так и не была закончена, религиозная потребность тоже проявлялась. Впрочем, Лукач все же вскользь этой темы касается. Вспоминая Кьеркегора, А. Камю с его образом Сизифа и Л. Толстого, Лукач говорит, что Достоевский «пророчески увековечил в различных художественных типах проблематику религиозного атеизма задолго до того, как его кризисность стала очевидной». В этой фразе Лукача предстает вся история социализма, проясняющая пророческий дар Достоевского.

Лукач подчеркивает, что пережитками прошлого эту религиозную потребность не объяснить. «Религиозная потребность наших дней – это (с общественной точки зрения) – пишет он - субъективно необходимо

⁷ Земляной С. Победоносное поражение. Ненаписанная книга Герга Лукача о Достоевском. Вопросы литературы. 2009., № 1., с. 15.

⁸ Лукач Г. Своеобразие эстетического., т. 4., М., 1987. С. 372.

⁹ Лукач Г. Укач. Соч. С. 402.

возникающая потребность, следовательно, нечто неизбежно вызываемое существенными, действительными социальными силами эпохи, независимо от того, насколько искаженно отражает способ их проявления производимую и воспроизводимую ими действительность и насколько искаженно он на нее реагирует»¹⁰.

(53). Как рассуждает Лукач, все дело в том, что каждый частный индивид стремится к полной личностной реализации потенциально существующих в нем возможностей, но такой полной реализации все-таки достичь невозможно. «Говоря в целом, - пишет Лукач- остающийся комплекс проблем определяется тем, что в частном индивиде, который в данном ему земном бытии не может достичь исполнения жизненных желаний, возникающее на этой почве стремление к спасению концентрируется в религиозную потребность» (54). Но там, где имеет место религиозная потребность, там возникает и трансцендентная реальность как обратная сторона партикулярности и невозможности человеку с этой партикулярностью смириться. Так, Лукач при обсуждении религиозной потребности, порожденной жаждой преодоления партикулярности и отчаянием от невозможности сделать это без обращения к Богу, выходит на территорию экзистенциализма, сочувственно цитируя С. Кьеркегора, которым он был увлечен в ранние годы. «... Нам важно здесь лишь, как он (Кьеркегор – Н. Х.) выводит из современного положения частного человека его внутреннюю озабоченность и дисгармонию и каким видится ему единственно возможный путь к Богу на основе религиозного увековечения в частном человеке возникающего отсюда отчаяния»¹¹.

Однако для Лукача взаимоотношения между искусством и религией не только в том, как они проявляются в авангардных формах искусства, но и в том, как они взаимодействуют на всем протяжении истории искусства – предстают лишь одним из блоков его фундаментальной эстетической

¹⁰ Там же. С. 457.

¹¹ Лукач Г. Своеобразие эстетического., т. 4., М., 1987. С. 450.

системы. Для этой системы характерно раскачивание маятника между антропоморфными, с одной стороны, и дезантропоморфными способами познания, с другой. Лукач фиксирует, что там, где разворачивается нарастание дезантропоморфного познания, там обычно констатируется расчеловечивание человека или то, что Х. Ортега-и-Гассет называет применительно к XX веку дегуманизацией. В этом случае перекося в отношениях между антропоморфными и дезантропоморфными способами познания преодолевается возрастающим интересом и к религии, и к искусству, но, в том числе, к религиозности самого искусства. Такой регресс Лукач фиксирует, например, в случае с Паскалем. Так, он утверждает, что у Паскаля появляется идея о том, что «богооставленность» мира в результате натиска дезантропоморфной науки являет картину кошмара, против которого мобилизуются все «человеческие» (т.е. антропоморфизирующие) силы религии (68).

Нарастание процессов дезантропоморфизации в истории Лукач рассматривает частным проявлением социальных форм отчуждения, которые впервые предметом осмысления становятся у Гегеля, которому Лукач посвятил исследование, а в нем специальную главу об отчуждении (62), а затем и у Маркса. В 60-е годы, в момент завершения труда Лукача по эстетике и публикации ранних рукописей Маркса проблема отчуждения становится весьма актуальной. В «Эстетике» Лукачу важно представить творческий акт как акт диалектический: одновременно и как отчуждение и воссоздание объективной картины мира в произведении искусства и как снятие отчуждения с помощью субъективности, очеловечивания этой картины мира («В эстетической сфере отсюда вытекает неразрывное единство отчуждения и его преодоление: в отчуждении снимается субъективность, в его преодолении – объективность, причем в акте снятия преобладает момент сохранения и перехода на высшую ступень. Взаимодействие обеих сторон рождает нечто цельное: эстетически преобразованный объективный мир – как отражение действительности , -

который в соответствии со своей интенцией еще энергичнее подчеркивает эту объективность, нежели это было возможно в тех впечатлениях и переживаниях, которые возникают в сфере повседневного опыта») (63).

В последний период своего творчества Лукач предпринял фундаментальное, но пока в нашей стране по достоинству недооцененное четырехтомное сочинение, имеющее отношение уже не к литературе. Это объемное философское сочинение по эстетике «Своеобразие эстетического». Конечно, в марксизме были попытки создания аналогичного труда по философии искусства (от Плеханова до Лифшица). Однако данное сочинение Лукача превосходит аналогичные марксистские труды. Сочинение Лукача по эстетике можно сопоставить лишь с сочинением по философии искусства Гегеля, которого Лукач хорошо знал и часто на его идеи ориентировался. В первом томе своей «Эстетики» он прямо пишет, что «философский универсализм концепции Гегеля, присущий ей исторический и систем атический синтез остается образцом для любого построения эстетики»¹². Этот философский и эстетический идеал Лукача, правда, делает его философию искусства отчасти проблематичной. Ведь классическая эстетика в ее гегелевском варианте сегодня не может быть исчерпывающей для осмысления художественного опыта XX века. Но об этом мы скажем ниже.

Вообще, Лукач – не единственный теоретик – марксист в области литературы и искусства. Но его поздняя работа по эстетике – единственная марксистская работа, которая вполне приемлема и для нашего времени¹³. Как свидетельствуют его работы, Лукач, постоянно размышлял не только о романе, но и о проблемах эстетики. Правда, касался он чаще частных аспектов эстетики. В своем позднем фундаментальном труде он впервые

¹² Лукач Г. Своеобразие эстетического., т. 1., М., 1985. С.8.

¹³ Нам довелось организовывать учебное пособие по эстетике и теории искусства XX века и Хрестоматию к этому пособию. Пришлось думать о том, включать ли в эту Хрестоматию тексты теоретиков-марксистов, вообще представлять ли марксистскую мысль в эстетике XX века, в том числе, текст Лукача. Мы так и не решились это сделать. Сегодня приходится сожалеть, что в эту Хрестоматию фрагмент из его работы «Своеобразие эстетического», касающийся понимания катарсиса, не был включен.

предпринимает изложение эстетики как научной системы. В России эта книга была издана в момент угасания интереса к марксистской мысли, и она не получила того широкого признания, какого, несомненно, заслуживает. Видимо, осознание значимости этого труда еще впереди. В настоящее время выходит второе издание этого труда. Это оправдано.

Говоря о второй половине XX века как времени забвения Лукача, мы имеем в виду, разумеется, лишь Россию. Иное дело – восприятие Лукача на Западе. Молодежные волнения конца 60-х пробудили интерес к марксистской теории и, соответственно, к наследию Лукача. В данном случае так же, как и в случае с Бахтиным, можно говорить о новом рождении Лукача, его признании и понимании.